

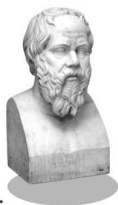


**АЛЕКСАНДР
СЕКАЦКИЙ**

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ФИЛОСОФИИ**



ОБЗОРНАЯ ЭКСКУРСИЯ
ПО РАЗЪЕДИНЕННЫМ ПРОВИНЦИЯМ МУДРОСТИ
ДЛЯ ВОЛЬНЫХ СТРАННИКОВ



ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2024

УДК 101
ББК 87.3(2)
С28

Секацкий А.

С28 Путеводитель по философии : Обзорная экскурсия по разъединенным провинциям мудрости для вольных странников : [эссе] / Александр Секацкий. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 404 с. — (Серия «Пальмира — философия»).

ISBN 978-5-517-10707-7

«Путеводитель по философии» Александра Секацкого предназначен для вольных странников, намеревающихся совершить «обзорную экскурсию по разъединенным провинциям» философии «налегке, не обременяя себя багажом специальных знаний, не поддаваясь гипнотической позе мудрости и не жмурясь от света истины». Но для того чтобы стать в философском мире желанным гостем, необходимо научиться притворяться знатоком. В этой книге путешественник найдет техники искусной имитации — необходимые отмычки для беспрепятственного проникновения в любую из философских провинций.

**УДК 101
ББК 87.3(2)**

© Секацкий А. К., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

ISBN 978-5-517-10707-7

Раздел 1

СТРАНСТВИЯ ПОСТОРОННЕГО

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ФИЛОСОФИИ: ВЕРСИЯ СЕКАЦКОГО

1. Отправляясь в путь

Путеводители предназначены для заезжих и праздных гостей, для посетителей. Сегодня, по большей части, для туристов, в связи с чем идея путеводителя оказалась столь же дискредитированной, как и идея пути. Но изначально *путеводитель* предназначался для транзитного следования и представлял собой искусство оглядываться по сторонам. Для того чтобы руководствоваться путеводителем, требовалось свободное время, толика бесцельности и готовность отложить прибытие в пункт назначения. Требовалось также сочетание двух вещей, редко сочетающихся друг с другом: умения отвлекаться и умения стойко следовать своему влечению, не поддаваясь на первое попавшееся развлечение. В средневековом Китае такой путешественник назывался «мастер, владеющий сходством и несходством».

Попытка посетить таким образом философию — налегке, не обременяя себя багажом специальных знаний, не поддаваясь гипнотической позе мудрости и не жмурясь от света истины, — подобная попытка всегда вызывала нарекания со стороны стражей мудрости и олигархов, удерживающих власть в той или иной философской провинции. Нарекания, насмешки и другие препятствия неизбежно ждут вольного странника; едва ли не первая вещь, которую предстоит узнать путешественнику, сводится к тому, что олигархии мудрых не жалуют *гостей*: им требуются ученики и почитатели.

И все же обзорная экскурсия по разъединенным провинциям философии имеет свой смысл. Она притягательна не только сувенирами, которые никто не помешает захватить с собой, но и приоткрывающимся горизонтом новых типов возможного обобщения. Это не пустые слова. Дело в том, что в любой области знания «философский аспект» притязает на предельность и, одновременно, удаленность позиции, «правее» которой уже ничего нет. Философии принадлежит *монополия на обобщение*, и это обстоятельство следует принимать как данность. Взгляд странника, исходящий извне, способен нарушить монополию. Не то чтобы его обобщение было круче из-за крутизны высокого холма, откуда осуществляется наблюдение, — речь вообще не идет о трансцендировании как описании сверху. Но некое «трансцендирование вбок», выбор экстерриториальной позиции на всем пути следования — это доступно путешественнику-номаду и не лишено для него интереса.

Путь ученичества отвергается заранее. Он, конечно, самый надежный, но слишком долгий и к тому же не поощряющий экстерриториальность, искусство оглядываться по сторонам. Номад, впрочем, знает, что возможность чему-то научиться, полюбоваться той или иной утаенной жемчужиной — такая возможность всегда сохраняется, даже если отказаться от последовательности и поэтапности овладения мудростью. Ясно также, что единственный альтернативный способ проникновения состоит в подделке пароля и некоторых характерных жестов, провоцирующих гостеприимство. В этом путеводитель может сослужить добрую службу.

Техника имитации и притворства, какой бы критике она ни подвергалась, практически совпадает с техникой безопасности пребывания в мире. Если же речь идет о путешествии по философскому архипелагу, она

равносильна знанию важнейших обычаев и умению вести себя правильно — то есть вежливо и тактично. Следует заметить, что в нашем мире видимостей, где подделки не просто имеют хождение наряду с эталонами, но и активно вытесняют их, проблема универсальной детекции лжи представляется неразрешимой в принципе. По большому счету, неподдельными остаются лишь те вещи, подделывать которые просто не имеет смысла. Платон считал такие вещи лишенными эйдосов: мусор, обрезки ногтей, старье, не являющееся товаром ни при каких условиях... Принадлежность к этому странному ряду представляет собой единственную гарантию от подделок. Справедливость, мужество, благородство, сама мудрость, как магнит, притягивают фальсификаторов — вот почему эталоном бесстрашия в нашем мире является младенец, а символом неподдельности — куча мусора.

Не всякое притворство одинаково полезно, но и не всякое притворство бессмысленно. Многое тут зависит от мотива. Притвориться знатоком лошадей, вин, женщин (мужчин) — даже в этом ряду имитаций прослеживаются существенные отличия. Слыть знатоком определенного предмета и слыть человеком мудрым означает претендовать на разные экзистенциальные и психологические ниши.

Скажем, обольститель, дамский угодник, всегда готов использовать свой притворный опыт, чтобы действительно обольстить. Мнимый знаток вин охотно попробовал бы все якобы известные ему марки, будь у него такая возможность. «Знаток» лошадей тоже, хотя здесь возможны некоторые нюансы. А вот преуспевающий имитатор философского знания, скорее всего, не согласился бы тратить время на добровольное самообразование — ведь подобную возможность у него никто никогда не отнимал. Значит ли это, что философ-

ское притворство содержит в себе большую степень цинизма? Не исключено, хотя допустим и другой вывод: знатоком философии можно только притвориться. Кажется, именно его имел в виду Сократ, когда говорил: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Товарная форма мудрости складывается из элементов притворства; среди множества этих элементов найдутся и педагогические приемы, и софистические уловки — причем отличить их друг от друга иногда попросту невозможно. И если в теории со времен Платона и Аристотеля философия пытается четко разграничить истинное знание (*episteme*) и мнение (*doxa*), то на практике важнее другое различие — между искусной имитацией, которую способны предложить знатоки философии, и неумелой подделкой, непременно имеющей хождение в какой-нибудь, пусть даже самой невнимательной к словам, среде.

Современное *философствование* распадается на множество уровней имитации — и философия как академическая дисциплина отнюдь не исключена из этого списка. Внутри каждого уровня существуют свои эталоны, образцы мудрости, успешно выполняющие функцию коллективного самосознания. Важно иметь в виду, что уровни почти не конкурируют друг с другом, «национальные» *валюты мышления* не конвертируемы в единую общезначимую валюту мудрости. Чужая валюта в своем кругу всегда вызывает подозрение в подделке, но взаимное недоверие уровней философствования — это простая данность, которая не должна смущать любознательного путешественника.

Как известно, на дверях платоновской Академии было написано: «Не знающий геометрии, да не войдет». Странствующему софисту, как и любому другому страннику, попадается множество подобных предупреждений, чаще всего подразумеваемых. Кружки,